

АЛЕКСАНДР ОГНЁВ

ОГРЫЗОК НЕКОГДА СЛАВНОЙ ГАЗЕТЫ

Странную кардиограмму представляют собой кое-какие современные издания. Газета “Литературная Россия” на рубеже 1980–1990 годов была ярким выразителем национально-патриотических сил. Колоритный представитель колбасной эмиграции А. Янов в клеветническом раже даже заявил в “Книжном обозрении” (29.06.1990), что она “стремительно превращается в орган русского фашизма”.

До сих пор не ясно, как в 90-е годы “Литературную Россию” ловко умыкнули у руководства Союза писателей России, как и почему она резко изменила свои общественные позиции. С 2004 года главным редактором этого еженедельника стал В. Огрызко, член Союза писателей России.

Кто же такой руководитель “Литературной России”? В. Огрызко окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, работал в изданиях “Книжное обозрение” и “Советская литература”, затем в патриотическом журнале “Наш современник”. После чего возглавил “Литературную Россию”, теперь в каждом номере публикуются его броские и нередко скандальные очерки.

Известный фотомастер Анатолий Пантелеев из Санкт-Петербурга поведал тверскому писателю М. Г. Петрову о своем впечатлении от В. Огрызко: “Что у него – башню снесло? На всех пасквили какие-то плетет, и не стыдно ему. Надо бы ему тоже альбом послать с дарственной надписью, может, опомнится? У меня альбом посвящен Леониду Федоровичу Ершову, профессору ЛГУ, ветерану войны, прекрасному человеку... Так Огрызко о нем такое наплел!”

Каюсь, меня тоже коробят некоторые публикации В. Огрызко. Мне захотелось определить вектор политической направленности его “экзотических” – нередко, простите, безнравственных – кривляний. Какова их цель? Каковы симпатии и антипатии этого не очень грамотного в литературоведческом отношении человека? Ведь это во многом определяет общественную ценность “Литературной России”.

У меня были хорошие отношения с профессором Леонидом Фёдоровичем Ершовым, который родился 11 июня 1924 года в деревне Выставка Тверской губернии. Он не забывал свою малую родину, приезжал в Калинин, мы ездили с ним в посёлок Завидово, чтобы посмотреть музей Спиридона Дрожжина.

ОГНЁВ Александр Васильевич родился в 1925 году в д. Красненькое Калининской области. Окончил Астраханский пединститут. Участник Великой Отечественной войны. Доктор филологических наук, профессор. Автор многих книг. Живёт в Твери.

В 1941 году Л. Ершов закончил девятый класс средней школы. Началась война, и уже 9 июля он записался в народное ополчение, пробыл в нем два месяца, а потом его отправили домой из-за юного возраста. В армию его призвали в августе сорок второго года, в марте 1943-го он был тяжело ранен, а в августе получил второе – еще более тяжелое – ранение. Потеряв руку и ногу, он нашел в себе силы уже в госпитале экстерном закончить среднюю школу, затем поступить на филфак Ленинградского университета, отлично закончить его, далее у него последовала аспирантура, успешная защита в 1952 году кандидатской диссертации, и в 1967-й докторской.

Леонид Фёдорович стал поистине выдающимся ученым, написал ряд весьма содержательных научных книг и ценных учебных пособий. В моем представлении он подлинный герой из того славного ряда, который стал известен прежде всего подвижнической судьбой Героя Советского Союза Маресьева. В. Астафьев отметил, рекомендуя Л. Ершова в Союз советских писателей: “С Ершовым Леонидом Фёдоровичем я познакомился несколько лет назад и поражён был его кипучей жизнедеятельностью. При его тяжёлых фронтовых увечьях не так-то легко ходить, ездить, да ещё в заграничные командировки, руководить кафедрой, активно участвовать в общественной работе, и при этом много и плодотворно работать в критике и литературоведении. Активная жизнедеятельность – отличительная черта того поколения, которому принадлежит Леонид Фёдорович”.

Статья В. Огрызко о Л. Ершове в “Литературной России” (14.10.2011) озаглавлена издевательски: “На выдаче разрешений в сортир”. В ней извещается, что Ершов “всегда демонстрировал свою близость к неофициальной “русской партии” и считался проводником идей “деревенщиков”. В. Огрызко, как следует из его публикаций, не переносит “русскую партию” и “деревенщиков”. Он вещает: “Правда, ему (Ершову. – А. О.) частенько не хватало ни таланта, ни объективности. Преданность идее не всегда свидетельствовала о наличии большого ума”. Далее Огрызко утверждает: “Докторская его работа, защищённая в 1967 году, не блистала какими-либо яркими идеями. В ней, кроме сюсюканья и лозунгов, ничего не было”. “Он оставил после себя несколько учебников советской литературы. Но по ним уже давно никто не учится, ибо в них много лжи, но мало правды”.

Или: “В 1960-е годы утвердилась целая гвардия критиков, которые научились громко рассуждать о патриотизме, но которые не умели чётко сформулировать свои мысли и предложить внятную программу. Я бы к этой группе, помимо Ершова, отнёс бы П. Выходцева, В. Петелина и В. Чалмаева. На мой взгляд, они мало чем отличались от какого-нибудь Ю. Суровцева или В. Оскоцкого. Все они были полуобразованцами и начётчиками. Только одни клялись в любви к русской деревне, а другие любили порассуждать об общечеловеческих ценностях. Но читать было нельзя ни тех, ни других. Кругом царила скука и, я бы добавил, – скудоумие”.

Из названных здесь литературоведов В. Огрызко больше всего ненавидит “скудоумного” Л. Ершова, не без удовольствия размазывает подлую историю трехкратного отказа Леониду Федоровичу в приеме в Союз писателей: “В 1976 году Ершов подал документы в Союз писателей. Но бюро секции критики Ленинградской писательской организации его кандидатуру дружно прокатило. Спустя четыре года незадачливый литературовед вновь сунулся в Союз... В Союз он попал лишь осенью 1982 года”.

В. Огрызко то ли на самом деле не знает, то ли преднамеренно не учитывает то, что в Ленинграде деятели либерально-западнического толка играли тогда ведущую роль в создании нравственно-общественного настроения. В. Ф. Козлов сообщил: “При мне в Союз писателей принимались молодые литераторы примерно в таком соотношении (это сохраняется и по сию пору) – десять человек еврейской национальности и один русский... за восемь лет и были приняты 70 человек, из которых только 7 были русскими по национальности” (“Ленинградская панорама”, № 11–12. 1989).

Сейчас сподвижники и продолжатели дела бесчестного А. Собчака, оклеветавшего советскую армию, стали важным оплотом ельцинско-путинского режима. Режиссер М. Захаров демонстративно сжег перед зрителями свой партбилет. В “Известиях” 05.10.1993 г. было напечатано гнусное письмо 42-х писателей, призвавших правительство закрыть оппозиционные газеты и партии. В их числе были ленинградцы Д. Лихачев, А. Кушнер, Д. Гранин.

Прославленный академик А. Трофимук, Герой Труда, дважды лауреат, не принял награду из рук Ельцина, написав ему: “Уж очень не хотелось быть рядом с академиком РАН Д. С. Лихачевым, который в памятный день октября 1993 года призывал вас расстреливать всенародно избранных депутатов РФ”.

Рядом с Л. Ершовым стоит настоящий русский богатырь – и в физическом, и в нравственном, и в научном планах – Петр Созонтович Выходцев. Он героически воевал, трижды был ранен, награжден двумя орденами Славы, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды. Вернувшись из армии в 1945 году на гражданку, он блестяще закончил институт, аспирантуру, защитил кандидатскую, затем и докторскую диссертации, опубликовал ряд блистательных книг, играл весьма существенную роль в борьбе с русофобией. Он тоже заслужил явно пренебрежительную оценку у В. Огрызко.

В статье “Крайности сходятся” (“ЛР”. 22.07.2011) критик бросил ряд уничтожительных замечаний в адрес П. Выходцева. В. Огрызко сообщает: “Твардовский даже в те годы, когда ещё возлагал на Выходцева определённые надежды, почему-то ни разу не предложил критику выступить в “Новом мире”. И спрашивает: “Почему?”

Критику бы надо для разрешения своих прямо-таки болезненных сомнений хотя бы прочитать то, что Твардовский писал Выходцеву 1 ноября 1958 года: “Дорогой Петр Созонтович! Статью получил. Я не стал её читать первым, потому что непомещение её в “Новом мире” предрешается по той самой причине, которую видите и Вы, но считаете несущественной, т. е. рассмотрение поставленного в ней вопроса о литературе и фольклоре в непосредственной связи с творчеством главного редактора “Нового мира”... Что касается возможности Вашего вступления в Союз писателей, то тут у меня нет двух мнений, – конечно, Вы достойны, и с избытком, но от дачи рекомендации я должен, конечно, отказаться, так как главная Ваша работа – это книга обо мне”. Кое-кому, видно, совсем неведомо такое ценное человеческое качество, как нравственная щепетильность.

Важную роль играл П. Выходцев в идеологической борьбе в связи с напечатанной 15 ноября 1972 года в “Литгазете” статьёй идеологического диверсанта А. Н. Яковлева “Против антиисторизма”. В. Огрызко приводит свидетельство В. Ганичева, возглавлявшего тогда издательство “Молодая гвардия”: “Мы после выхода статьи Яковлева понимаем, что нужно сопротивляться – звоним Шолохову и говорим о происходящем. Появляется письмо Шолохова. Но решающую роль сыграло письмо Выходцева – заведующего кафедрой русской литературы из Ленинграда, который по косточкам разобрал и разбил эту статью. Очень сильное и аргументированное письмо именно с точки зрения той идеологии, которой была проникнута статья. Вывод был таков – что Яковлев очень всё смешал в кучу и перепутал”.

В. Огрызко сообщает: “Литературный генералитет вступить в публичную схватку с Яковлевым не торопился, заняв выжидательную позицию. Объединилась в основном одна серость”. Такой обобщенной отрицательной оценки он не давал деятелям либерально-западнического толка, которые усердно и последовательно готовили почву для развала СССР. Он признал, что “статья Яковлева “Против антиисторизма”... была насквозь идеологична и догматична”, но вместе с тем безоглядно пригвоздил одного из выдающихся “серых” противников этого западного наймита: “Ответ Выходцева, вроде бы ратовавший за историческую память, получился воинствующим, но тоже по-своему невежественным”. Лихой на категорические оценки В. Огрызко – историк по образованию, ему надо было бы доказать, в чем же отразилась эта ненавистная ему русская серость и невежественность. Но он злорадно припечатывает давно умершего оппонента, который всего себя безоглядно отдал своему отечеству, но который теперь сам уже ничего не может возразить ему. “Он, Выходцев, – облыжно заявляет Огрызко, – “свой” талант променял на политические игры”, “стал нетерпим к любому проявлению инакомыслия”, он “научился кричать и обличать, но разучился трезво думать”.

Выходцева перед его кончиной (19.03.1994) заклятые “друзья” плотно обложили со всех сторон, как он говорил мне, они даже подло вмешивались в его семейную жизнь. Вузовский учебник по русской советской литературе под его редакцией, выдержавший четыре издания, стал костюм в горле “интернационалистов” с их ненавистью к русским национальным традициям. Диссидент Э. Эткинд, один из них, решил, что невозможно “приблизить к истине

насквозь лживую, от первой до последней строки фальсифицированную книгу П. Выходцева о советской литературе”, “с ней следует поступить так, как поступили с кратким курсом: сдать в макулатуру и забыть” (“Вопросы литературы”. 1989, № 5. С. 18–19).

Печататься Петру Созонтовичу фактически было негде, прессой командовали либералы. Спокойно смотреть на то, как они разрушают народно-патриотические основы русской культуры, методично разваливают государство, он, конечно, не мог. Его бурный характер настоятельно требовал самой активной борьбы с антинародным злом. Безвыходность положения ускорила кончину фронтовика.

* * *

В конце 2009 года “Литературная Россия” устроила провокационное обсуждение проблемы “Кто написал роман “Тихий Дон”?” Итоги прошедшего спора редакция еженедельника доверила подвести не кому-нибудь, а русофобу Зееву Бар-Селле – израильскому лингвисту и литературоведу, опубликовавшему статью “Тихий Дон и Шолохов” (25.12.2009). Редакция указала, что Зеев Бар-Селла автор монографии “Литературный котлован: Проект “Писатель Шолохов” (М., РГУ, 2005). Пусть-де простодушные российские читатели поймут, что высказывание такого специалиста по творчеству Шолохова особенно ценно.

З. Бар-Селла подчеркнул, что становится всё больше читателей, которые “никак не хотят поверить, что великий роман принадлежит перу малограмотного хуторянина”; “другие объявляют всякое сомнение в шолоховском авторстве кощунством, а все слухи о плагиате – порождением зависти”. И неотразимо “доказал”: “Странно только – завидовали многим, а в плагиате обвинили одного Шолохова!”.

Клеветнические измышления о плагиате выросли на почве недоверия и нелюбви к русскому крестьянству и казачеству. Многие не могли поверить в то, что из этой среды вышел молодой гений, создавший такой шедевр, который сразу поднял планку художественности на недостижимую для других писателей высоту и триумфально взшел на вершину мирового литературного олимпа. Посчитав “Тихий Дон” поистине уникальным явлением вселенского масштаба, самой великой книгой “не только в русской, но и в мировой литературе”, Ф. Абрамов писал о начале творческого пути Шолохова: “В искусстве XX века он взмыл как Василий Блаженный, и мир ахнул от восторга и изумления... Писательская карьера Шолохова ошеломляюща, фантастична” (Абрамов Ф. Слово в ядерный век. М., 1987. С. 413–414).

Но глухой ко всему З. Бар-Селла гнёт своё: “...можно ещё порассуждать – о шолоховской молодости... И не просто о молодости, но о полнейшей непричастности (в силу малолетства) к событиям, описанным в романе...”. В печати уже не раз убедительно доказывали, что эта молодость не мешала, а помогла создать “Тихий Дон”. Если же коснуться “полнейшей непричастности”, то спросим: а был ли причастен, например, А. Пушкин к событиям, избороженным им в “Капитанской дочке”?

Утверждая, что “аргументов в пользу авторства Шолохова не существует вовсе”, З. Бар-Селла считает, что “перед нами стоит теперь совсем иная задача: отыскать неизвестного русского писателя – лауреата Нобелевской премии 1965 года”. Десятки лет ищут – и никак не могут найти! Я даже иногда жалею их. Сколько сил они отдали – и нулевой результат. Мне довелось с весомыми фактами в руках опровергать в журналах “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Дон”, в монографии “М. Шолохов и наше время” (1996) многие нелепости озлобленных ниспровергателей Шолохова,

Организаторы обсуждения в “Литературной России” ставили перед собой задачу оживить клеветническую версию о плагиате М. Шолохова при написании “Тихого Дона”. Участники таких провокационных обсуждений бросают в пекло идейной борьбы любые придуманные или уже опровергнутые факты, помогающие замутить русское национальное сознание. Примером может служить и позорное обсуждение “Кого вы считаете автором “Тихого Дона?”, проведенное в Гайд-парке 6 ноября 2010 года по инициативе невежды-антисоветчика В. Шигорина.

В. Огрызко рассказал корреспонденту “Литературной учебы” (№ 3, 2009) М. Лаврентьеву об истории “Литературной России” и, в частности, акцентировал такую мысль: “Уже после выхода первых нескольких номеров в адрес газеты пошли доносы. К примеру, главный редактор журнала “Москва” Евгений Поповкин требовал привлечь к ответственности новое руководство газеты только за то, что в одном из обзоров “толстых” журналов рецензент не учёл всех произведений, опубликованных в журнале, тем самым недооценив роль “Москвы” в общественно-политической жизни страны”. Вот какой зловредный букет сумел отыскать Огрызко: в нем и негодный журнал “Москва”, и нехороший его руководитель, который родился в лапотной деревне, воевал во время войны и не нашел ничего лучшего, как выказывать патриотическую настороженность.

Однако по какой-то причине пронирыливый В. Огрызко пропустил куда более важный факт, свидетельствующий о резкой политической переориентации “Литературной России”, которая 12.04.2002 года инициировала “Спор о власовской армии”. Редакция заявила: “Мы – не сторонники обеления Власова и его армии. Предатель есть предатель. И нет ему оправдания. Нам интересно, что думают по этому поводу читатели”. 17.05.2002 года “Литературная Россия” напечатала статьи В. Мусатова “Кто он, генерал Власов?” и П. Лебедева “Коллаборационизм как он есть”. Она выделила слова Лебедева о том, что его привлекает в “ЛР” “свободное и уважительное предоставление различных мнений при сохранении главного нравственного стержня – верность России с ее сложным трагическим прошлым, противоречивым днем насущным и тревожным будущим”. Ах, слова, слова, слова... Как они разительно расходятся с практикой у “Литературной России”!

Ни одна моя публикация не позволяет упрекнуть меня в отсутствии “верности России”, ранее “ЛР” печатала мои статьи и рассказы, а посланный мной в 2002 году развернутый ответ на возмутительные статьи о Власове она не напечатала. В нем разоблачалась ложь Мусатова, повторившего “открытие” Резуна: “Сталин планировал крупную войну по оккупации всей Европы”, “Гитлер опередил Сталина всего на две-три недели”. В статье “Давайте разберемся” (28.06.2002) Мусатов сожалел, что Германия и власовцы потерпели поражение, мечтал о “совсем другом 1945 годе, гораздо более полезном для России”. Какие-то тайные пружины привели к тому, что газету охватил антисоветизм, нежелание достойно принять нашу Победу над фашистской Германией.

“Литературная Россия” напечатала 26.07.2002 года статью В. Петушкова “Генерал Власов и Хаджи-Мурат: завещания подлинные и фальшивые”. Ложью является его заявление о том, что переход на сторону немцев имел для Власова “сакральный, неполитический характер”, что он “стремился служить чему-то высокому, итоговому на земле” и по сути не участвовал “в войне против своих”. Участвовал. Призывы Власова (от его имени выпустили 100 миллионов экземпляров листовок) выступить против советской власти мучили души неустойчивых солдат, помогали врагу вести войну. Советские командиры проводили немалую работу в войсках, чтобы нейтрализовать влияние листовок, где Власов был снят вместе с немецкими генералами (на фронте я читал их), где призывали нас переходить на сторону врага и бороться с советским режимом.

Вопреки истине Петушков считает, что “никакой личной выгоды в сотрудничестве с немцами Власов не искал”. На самом деле беглого командира пугал путь, выбранный Карбышевым, страшила жизнь, какая была в плену у генерала Лукина и других советских военнопленных, гибнущих в фашистских лагерях. Петушков трактует настрой Власова, приписывая ему и свои либеральные представления о советском режиме: “Бесчеловечный, дьявольский молох, перемалывающий миллионы тех самых оболваненных масс, которые с молоком матери впитали в себя “сталинский патриотизм” и в глубине души жаждут избавления. Власов и рассчитывал выступить такого рода избавителем от гнета, от перехлестывающей через край тирании”.

27 декабря 2002 года “Литературная Россия” объявила, что Петушков стал ее лауреатом, главным его успехом назван этот шизофренический бред.

В. Огрызко 17.06.2011 года напечатал заметку учителя истории А. Изюмского под названием “Не надо врать” – отклик на рецензию писателя Михаила Петрова “В поисках мужества” (“ЛР”. № 20. 2011) о моей книге “Правда и ложь о Великой Отечественной войне”. А. Изюмский изрекает: “Посвящена она (рецензия. – А. О.) вроде бы борьбе с фальсификациями истории Великой Отечественной войны, но при этом сам автор фальсифицирует прошлое очень усердно... Утверждение, что “Наполеон нёс в Россию свободу”, я встречаю впервые в жизни: сколько мнений о войне 1812 года ни высказывалось, но до такого, кажется, ещё никто не договаривался... В заключение хотелось бы спросить: неужели так трудно оставаться патриотом, не прибегая к примитивному вранью?”

Конечно, быть настоящим патриотом России и одновременно примитивно врать вряд ли можно, а вот статья на защиту либеральных ценностей без какой-либо лжи, без грубого передёргивания фактов ни в коем случае нельзя. Это в полной мере продемонстрировал невежественный историк А. Изюмский.

Приведу предоставленный мне М. Петровым неопубликованный отрывок из его ответа А. Изюмскому. “Автора возмутило следующее место в моей рецензии (порядком, кстати, сокращенной в редакции и не в пользу ей): “Ведь если углубляться в европейскую оценку той далёкой войны, нёс Наполеон в Россию свободу, его свободные землепашцы воевали с русскими крепостными крестьянами. Но Толстой, будучи противником крепостного права, нигде об этом “убийственном” аргументе не вспомнил...”

...Учитель истории почему-то сам взялся втирать очки читателю, приписав “европейскую оценку той далёкой войны” лично мне. Да еще и сослался на “несколько устаревшую, но вполне добротную книгу Е. Тарле “Нашествие Наполеона на Россию”...

Я, конечно же, читал Тарле. Читал и кое-что иное, но писал не о своем мнении и не о мнении Тарле или Наполеона, а о “европейской оценке той далёкой войны”. На это почему-то не обратили внимание и в редакции. Извратив смысл фразы, Изюмский пошел дальше: не заметил кавычек и иронии в словах о том, что “Толстой, будучи противником крепостного права, нигде об этом “убийственном” аргументе не вспомнил”. Думаю, для среднего европейца и сегодня нет разницы между колхозником, русским государственным и крепостным крестьянином, а мысль, что “свободные землепашцы воевали с русскими крепостными крестьянами” я действительно счёл бы “убийственной” для Толстого.

Вопреки утверждениям А. Изюмского Фридрих Ницше боготворил Наполеона, считал, что тот принес в Европу и нес, соответственно, в Россию долгожданную свободу: свободу от морали и моральных ценностей. Он писал: “Наполеон – это синтез нечеловеков и сверхчеловеков” (Ф. Ницше. М., Мысль, соч. в 2 т., т. 2, с. 437). Ницше предугадал рождение единой Европы, считал, что делу объединения ее и служит Наполеон, разрушая войной ее границы. “Они (народы Европы. – М. П.) родственны, кровно родственны друг другу на всех высотах и глубинах своих потребностей: это Европа, единая Европа. Европа, душа которой выражает в их многострадальном и бурном искусстве свое стремление в какую-то даль и высь – куда? Не к новому ли свету? Не к новому ли солнцу?...”

Здесь невольно вспоминаются мысли Гитлера, Черчилля, многих современных политиков об объединенной Европе, противопоставленной России.

Оболганный М. Петров трижды (!) обращался к главному редактору “Литературной России” В. Огрызко с просьбой опубликовать его возражения на реплику А. Изюмского. Никакого ответа не последовало. Получился разговор слепого с глухим.

В статье Ирины Муравьевой из американского Бостона “Тайна зелёной палочки” (“ЛР”, 02.12.2011) идет речь о несколько сходных проблемах, правда, основа её статьи обозначена приблизительно: “Вечером, в Питере, незадолго до отлета домой, смотрю телевизор в гостинице. Включила на середине, поэтому названия передачи не знаю”. И названия передачи она не знает,

и точно услышанных слов не помнит, но все равно для Огрызко субъективное мнение этой русской американки представляется непреходящей ценностью. Надо же понимать, что она не какой-то тверской писатель, она стала западным человеком, её дом расцветает в самих цивилизованных США.

И. Муравьева наставительно вещает: “Перед аудиторией... выступает директор музея Ясная Поляна праправнук Толстого Владимир Ильич... ощущается настойчивый нажим на одну и ту же педаль: дети Толстого, оказавшись после революции за границей, ничего другого так не хотели, как вернуться обратно в сталинскую Россию”. Муравьева, потерявшая русскую ментальность, с непримиримой суровостью заклеила “этот квасной патриотизм”.

У меня было немало встреч в Австрии, Франции, Венгрии, Румынии, Болгарии с бывшими соотечественниками, которым пришлось расстаться с русской землей. Запомнилась встреча в Софии в 1946 году в бедной квартире бывшего дворянина, русского офицера, воевавшего с красными в гражданскую войну. Он был рабочим на каком-то заводике, сухонькая с красивыми чертами лица жена – тоже из дворян – занималась домашним хозяйством. Она с острой тоской сказала тогда о своем давнем желании возвратиться в Россию.

Л. Д. Любимов, сын губернатора в Вильно, автор пронзительной книги “На чужбине”, в 30-е годы был одним из самых активных публицистов, выступавших против советского строя. Великая Отечественная война перевернула его судьбу, после нее он возвратился на Родину. Мне приходилось общаться с ним в Малеевке. Впечатление – он весь пронизан мириадами невидимых, но хорошо ощущаемых нитей русского национального духа, он не мог чувствовать себя счастливым, живя вне России.

Граф А. А. Игнатъев, полковник, ставший советским генералом, автор честной книги воспоминаний “50 лет в строю”. В ней написано: “Однако от одной мысли, что я могу перестать быть русским, сердце сжалось до слез. Как могла такая нелепость в голову прийти?! Нет! Какие бы личные выгоды и покой ни сулила мне Франция, не в силах я буду лишиться права ходить по родной земле, дышать русским воздухом, любоваться белыми стволами берез (они во Франции не растут), слышать русскую песню или даже просто русский говор!.. Человеку, как и березе, легче расти на родной земле, и величайшим несчастьем для него является потеря им корней на своей родине”. Мать Игнатъева осталась во Франции, при прощании она попросила сына привезти ей “из России мешочек родной земли”. Она не хотела, чтобы на её “гроб бросали французскую землю”. А сейчас белые патриоты – в том числе в публикациях “Литературной России” – превозносят И. Бродского, который не захотел даже уполниться в России, который клеветал на Г. Жукова и советскую армию.

И. Муравьева пишет: “...праправнук Толстого рассказал о том, что происходило в Ясной Поляне во времена немецкой оккупации... Звучало это так: среди германского начальства оказались “культурные люди”, которые знали, кем был Толстой... именно эти люди строго-настроено запретили солдатам и офицерам осквернять, разрушать и пачкать дом великого писателя”. Немецкий генерал Гудериан в мемуарах “Воспоминания солдата” заявил, что он запретил в своей группе армий бесчинства в СССР, ибо грабежи и насилия подрывают воинскую дисциплину. На самом деле этот фашистский “гуманист” приказывал: “У военнопленных и местных жителей беспощадно отбирать зимнюю одежду. Все оставляемые пункты сжигать. Пленных не брать!”

В Ясной Поляне угнездился штаб армии Гудериана, которая оставила в 1941 году разбойничий след на нашей земле. Там были дрова, но немцы топили печи книгами, устроили пожар в спальне Л. Н. Толстого, комнате С. А. Толстой и библиотеке. Из 14 комнат Бытового музея исчезло 93 мемориальных экспоната. Немцы сожгли в окрестностях имения амбулаторию, общежитие, яснополянскую школу, построенную А. Л. Толстой и названную именем великого писателя.

И вот теперь мы подошли к главному пункту глубинного расхождения между статьей М. Петрова, где Европа далеко не союзница России, и эссе американки И. Муравьевой, где фактически уравниены немецкие и советские солдаты. Муравьева укоряет правнука великого писателя: “В доме, однако, располагался госпиталь для раненых немецких солдат. В этой части рассказа маленькая, но очень НЕ толстовская интонация и выбор стилистики поразили меня: директор Ясной Поляны использовал только один, наиболее негативно окрашенный термин: “фашист”, “фашистские захватчики”, а также

“враги”. Нигде не проскользнуло ни тени понимания того, что война — это всегда, прежде всего: люди. И люди — жертвы, из которых только самую незначительную часть составляют те, которые добровольно участвуют в этом, как говорил опять же Толстой, “богопротивном деле”.

Накал обвинений Муравьевой нарастает: “Но после Победы, — сердечным голосом сказал директор музея-усадыбы, — русская наша душа не могла примириться с тем, что рядом с могилой гения русской земли похоронены тела умерших фашистов. И было принято решение вырыть из могилы останки врагов”. Она гневается: “Потом наступила Победа, и их просто выкопали. Душа не смогла примириться, очиститься желала. Такая душа, что поделаешь...” Не нравится ей русская душа, которая не хочет любезно привечать оккупантов. Муравьева уравнивает фашистов и советских людей. Она размышляет: “...я пишу наперекор и логике здравого смысла, и даже надежде на то, что меня услышат. В массовом человеческом сознании понятия “свой” и “чужой”, “враги” и “друзья”... затвердели настолько, что всегда кажется: не лучше ли просто стоять в стороне и следовать Бродскому: “...И я не превращусь в судью”.

Да, лучше бы, пожалуй, именно так ей вести себя.

Импульсивные стенания Муравьевой с бесспорным одобрением приняла широкоформатная душа Огрызко. Он тоже хочет слить судьбу многострадальной России с судьбой цивилизованного демократического Запада, эта цель, похоже, и является маяком работы Огрызко.

Муравьева представила Л. Толстого всепрощенцем, вселенским пацифистом. Но если бы он жил в годы войны и сам видел, как немецкие вояки зверствовали в России, повсеместно губили наших людей, то он бы к этому не мог относиться с равнодушной отстранённостью. Сила патриотического чувства Толстого сказалась во время его участия в обороне Севастополя, в его эпопее “Война и мир”, в ряде его высказываний. Так, Александра Толстая вспоминала: “Шла война с Японией. Лев Николаевич очень близко к сердцу принимал наши военные поражения, и когда пришло известие о сдаче Порт-Артура, он воскликнул: “Надо было взорвать крепость! Как можно было сдаться!” (“ЛР”, 26.11.1993). В очерке “Севастополь в декабре 1854 года”, говоря о героизме, мужестве, стойкости наших солдат, он подчеркнул, что в истоке этого “есть чувство редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине”.

* * *

В. Огрызко заклинает “не опускаться на уровень грязи”. Увы, как вытекает из приведенных выше фактов, он сам не избежал этого грязного уровня. Ведомая им “Литературная Россия” недоброжелательно отзываясь о бывших фронтовиках, помогает либералам ломать духовный строй русских людей, вытравливать у них верность отчей земле, национальное достоинство, веру в возможность победы идеи социальной справедливости. Она устремлена к денационализации нашего общественного сознания, к нивелировке русской культуры, к подгонке её под либерально-западнические мерки, отсюда ее глумление над русскими традициями, крестьянскими нравственными ценностями. Во внешне сумбурном калейдоскопе представленных в газете разных литераторов и общественных деятелей четко прослеживается либерально-западническая направленность в трактовке событий прошлого и настоящего.